

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гамзатова К.А. Аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке // Litera. 2025. № 7.
DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75260 EDN: JMLJID URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75260

Аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке

Гамзатова Камилла Абдулаевна

ORCID: 0000-0002-2052-6291

старший преподаватель; факультет иностранных языков; Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
преподаватель; Восточный факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

✉ Kamilla.Alieva95@gmail.com[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.7.75260

EDN:

JMLJID

Дата направления статьи в редакцию:

22-07-2025

Аннотация: В тюркологических исследованиях последних лет эпизодически обсуждается вопрос о наличии морфологической категории аспектуальности в тюркских языках. Дискуссия по этому вопросу традиционно сводится к вопросу о наличии или отсутствии вида в тюркских языках и толкованию значений некоторых временных форм тюркского глагола. Исследование вопроса об аспектуальных значениях на материале древних языков, в частности, древнеуйгурского языка как одного из генетических предков современных тюркских языков может пролить свет на семантические особенности форм тюркского глагола, а также дать подтверждение или опровержение идее о наличии возможности у древнеуйгурского глагола выражать аспектуальные значения морфологическим путем. Изучение особенностей аспектуальных значений в древнеуйгурском языке дает возможность описать и дополнить эти значения, а также выявить средства, которые используются для выражения этих значений. В статье рассматриваются аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средств их выражения в древнеуйгурском языке. В исследовании материал древнеуйгурского языка

исследуется с позиций функционально-семантического подхода. В том числе для анализа материала применяются описательный и сравнительный методы исследования с целью выявить синхронические и диахронические особенности языковых связей. Исследование аспектуальности как функционально-семантического поля позволяет выявить и подробнее описать средства выражения значений линейного аспекта. В ходе исследования были обнаружены морфологические средства, способные маркировать некоторые значения линейного аспекта, а именно серединной стадии процесса. В результате анализа было установлено, что прогрессивный и дуративный аспекты реализуются через аналитические сочетания, в которых первым компонентом является адвербиальная форма глагола, а вторым – вспомогательный глагол. Подобный анализ показывает, что в древнеуйгурском языке для передачи аспектуальных значений используются только грамматические средства. В рамках проведенной работы использование лексических средств передачи значений функционально-семантического поля аспектуальности выявлено не было. На изучаемом этапе развития древнеуйгурского языка можно зафиксировать период формирования морфологической категории аспектуальности.

Ключевые слова:

дуратив, прогрессив, аспектуальность, древнеуйгурский язык, Тюркские языки, деепричастие, вспомогательный глагол, агглютинативные языки, аспект, перфект

Введение

В языках разных структур наблюдается функционирование особых средств выражения внутренней временной структуры событий и действий. Эти средства призваны передавать информацию о продолжительности, завершении и повторении действий и событий. Для описания особенностей внутренней структуры событий и действий ключевым понятием является аспектуальность. Аспектуальные значения чаще всего маркируются морфологически, реже лексически. Например, в индоевропейских языках для сигнализации аспектуальных свойств высказывания отмечается использование специальных грамматических маркеров, таких как: спряжение глаголов, адвербиальные формы и конвербы ^[1,2,3], а в китайском языке образование словоформ с аспектуальным значением происходит при помощи суффиксов, обладающих агглютинативными свойствами [4:с.137]. Аспектуальность часто контрастирует с временными формами, поскольку категория времени призвана указывать на местоположение события/действия во времени, и модальными формами, которые выражают отношение говорящего к событию/действию [5: с.176-177]. Нередко аспектуальные значения относят к эвиденциальным значениям, которые указывают на сообщаемый факт, факт сообщения и на указываемый источник сведений о сообщаемом факте [6: 95-113].

Аспект указывает на связь времени и пространства, концептуализирует временные характеристики ситуации или события с точки зрения его продолжительности, завершенности и отношения к другим событиям. Подобное понимание аспекта и категории аспектуальности было предложено А.В. Бондарко в работе "Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис" 1987 года ^[7]. Такой подход к пониманию аспекта и аспектуальности позволяет расширить поле исследования аспектуальных явлений на материале языков мира различных

морфологических типов. Аспектуальность представляет собой функционально-семантическое поле, в котором семантический центр формируется глагольным предикатом. Содержательная структура высказывания включает в себя все характеристики протекания действия во времени. Аспектуальность связана с понятием «внутреннего времени», внутренней динамики ситуации, что противопоставляется отношению действия к моменту речи или другой точке отсчета [7: с.45-56].

Семантическая зона аспекта описывает тип и структуру событий. Ситуацию можно рассматривать с точки зрения ее продолжительности, завершенности или повторяемости - количественный аспект [8] с точки зрения ее внутренней структуры, т. е. характеристик и свойств протекания - качественный аспект [1,2]. Указание на тип и структуру событий и действий позволяет дополнительно выделить два вида аспекта: линейный и вторичный. Под линейным, или первичным аспектом понимается любой фрагмент ситуации, попавший в окно наблюдения (*topic time* [9]), т.е. период времени, релевантный части времени ситуации [10: 467]. Каждая аспектуальная граммема выделяет некоторый фиксированный момент или период времени, в течение которого ситуация может реализоваться полностью или один из нескольких фрагментов [11: 284].

Линейный аспект включает в себя *проспектив*, указывающий на подготовительную стадию процесса. Данная стадия проявляет также свойства начинательности процесса, с точки зрения фазовости (*ингрессива*), т. е. указания только на начало ситуации [12: с. 348], и *инхоатива*, т. е. указания на начальную фазу ситуации и перехода от одного состояния к другому [13].

Проспективу свойственны значения интенциональности и цели. Так, проспективные формы распространены в тюркских, в частности, в южносибирских языках и выражены в виде инфинитивных конструкций - намерения или цели. Эти конструкции используются для выражения цели действия, а не для описания самого действия [14].

Прогрессив указывает на срединную стадию развития процесса. Действие реализуется во времени безотносительно к началу или концу, но выражает значение только динамической длительности. Еще одним аспектуальным значением срединной стадии является *дуратив*, указывающий на срединную фазу ситуации любого типа [11].

В тюркологических работах, посвященных аспектуальным значениям тюркских глаголов, чаще всего, за основу берется концепция Л. Юхансона, где выделяются три основных семантических значения - интратерминальность, прагнация и посттерминальность [15]. В рамках данной концепции прогрессив рассматривается как семантическое значение интратерминальности.

Интратерминальность указывает на срединную стадию ситуации [15: с. 76], прагнация обеспечивает фокус внимания на самой ситуации [16: с.77], а посттерминальность указывает на завершение действия в действительности [1]. Терминологически Л. Юхансон отождествляет понятия *вид* и *аспект*, но не смешивает их с *акциональностью*.

В структуре процесса ситуация может не иметь срединной стадии, а только начало и мгновенное завершение. Стадия мгновенного достижения предела является *пунктивом* [11].

Комплетив маркирует финальную стадию ситуации – завершенность действия. *Результатив* передает значение результата действия и итогов ситуации. Результативное значение указывает на достижение действием предела.

Перфект указывает на некоторую ситуацию, произошедшую в прошлом периоде ориентации и находящуюся в прямой зависимости от *текущей релевантности* (*current relevance*) ^[2,17], т.е. «момент речи»^[18:с.525].

Вторичный аспект оформляет переход глагольных лексем из одного аспектуального класса в другой ^[11: с.295], вследствие чего ситуация теряет динамическую характеристику и переходит в свойство/состояние субъекта или объекта действия, что соответствует *хабитуалису*^[11: с.299].

К значениям вторичного аспекта относят *мультипликатив*, который выражает повторение или множественность действия или состояния^[11: с.299] и *перфектив*^[11: с. 295-296], тип аспектуального значения, который указывает на завершенность события или ситуации в прошлом и его связь с моментом речи, и рассматривает ситуацию как целое ^[19]. *Перфектив* является родовой категорией по отношению к комплетиву и результативу ^[19].

В отечественной тюркологии вышеуказанные семантические значения рассматриваются в рамках теории акциональности ^[20: с.10-14]. Различие в понимании аспектуальных значений в индоевропейских и тюркских языках заключается в том, что в тюркских языках эти значения передаются преимущественно с помощью морфологических средств, в то время как в индоевропейских языках активно используются как морфологические, так и лексические способы выражения ^[21:с.34-43; 20].

В настоящей статье особое внимание уделяется аспектуальным граммемам прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке, что подразумевает также выявление средств их выражения.

Аспектуальные грамемы в тюркских языках, чаще всего, выражены моделями CVB + AUX, где CVB - адвербиальная форма глагола (деепричастие), AUX - вспомогательный глагол, который уточняет значение знаменательного глагола. Средствами выражения аспектуальной семантики могут выступать как финитные, так и нефинитные формы глагола. Например, «...etözin örtäp qalmış (Hüen^[21] 36,16-17)» '...[он] обжег свое тело', где аналитическая форма *-p qal-* маркирует *результатив*. В древнеуйгурских памятниках можно найти подтверждение нефинитных средств передачи аспектуальной семантики: ... köñüllerü ögirmiş sävinmişniñ belgüsi erür (Hüen VI 7 11-12) - 'Это проявление того, что их души возрадовались', где форма *-miş* употребляется в субстантивной функции. Подобные аспектуальные грамемы в тюркских языках получили название аналитических форм и подробно описаны в ряде работ, например, в исследовании А. А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках» ^[22] и Д. М. Насилова «Акциональные группы узбекских глаголов» ^[23]. Об аналитических формах писал также и А. М. Щербак в своей работе 1961 г. «Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана» ^[24]. В указанной работе автор обнаруживает аналитические конструкции, способные передавать «временные, модальные и аспектуальные значения»^[24: с. 153-155].

Семантическая зона аспектуальности в древнеуйгурском языке имеет нечеткие границы,

поскольку выявленные формы в языке памятников могут передавать значения временной локализованности/аспектуальности/ эвиденциальности. Сложно четко разделить аспектуальные граммы. Например, указанная выше финитная форма *-mīš* применительно к языку древнетюркских памятников рассматривается как прошедшее неочевидное или субъективное время^[25:с.188], что обусловлено ее функционированием в качестве средства передачи неочевидности, субъективности и внезапности совершения действия^[25, 26, 27, 28, 29]. Проведенный анализ дает возможность полагать, что указанная форма использовалась как перфектная, на основе которой могут развиваться и эвиденциальные формы^[11: с.293]. В древнеуйгурских памятниках можно найти примеры употребления *-mīš* в качестве нефинитной формы, способной передавать перфектное значение: *bu muntay türüg tözünlerin toymış (...) nom erdinig titirler* (БТТ^[30] IX 2v 18-19) 'Они отказываются от Священного писания (...), которое породило столько видов благородства'. В приведенном примере форма *-mīš* употребляется в адъективной функции и маркирует результативное значение перфекта^[31].

Материалы исследования

В исследовании анализируются примеры из письменного памятника древнеуйгурского языка (ориентировочно X-XII в.). Основой для исследования послужил древнеуйгурский памятник, являющийся переведенным с китайского на древнеуйгурский сочинением «Биография Сюань-цзана», традиционно именуемой в тюркологических исследованиях как уйгурская версия^[21]. Биографическое произведение повествует о путешествии монаха Сюань-цзана в Индию, его опыте общения с уйгурами, его переводах буддийских писаний, а также содержит сведения о культурных и религиозных связях Китая с Уйгурским государством Кочо (840-1368).

Аспектуальные граммы и примеры из памятников

В памятниках были выявлены следующие формы для передачи прогрессивного аспектуального значения:

Форма **-a bar-**

(1) *men kuintso bardim <...> jemä inčip jana tolu tükel töz taqī ekšük istäjü^[6] barip bosyun[yalī]* (Hüen 12 аб, 19-1)

Я, Сюань-цзан, отправился, <...> чтобы разузнать о том, не достаёт [ли здесь] совершенной и полной основы [учения] и удостовериться [в этом] ...

men kuintso	bar - dīm	jemä inčip	jana		
я Сюань-цзан	добираться	-теперь так	вновь		
	1 SG PST				
tolu	tükel	töz	taqī	ekšük	istä - jü_bar-ip
полный	совершенный	основа	POST	недостаток	спрашивать -
				PROG -CVB	
bosyun - [yalī]					
удостовериться - CVB					

В настоящем примере деепричастие *-и* является вариантом деепричастия *-а*. В опубликованных транскрипциях древнеуйгурских текстов оно часто встречается как *-u*^[25: с.131].

(2) *qal'in jangalar uduz qaqliy'in kirtüligin iltü bardılar* (Hüen , V26, 13-15)

стадо слонов везло [его] известным только им путем (?)

qal'in janga - lar [uduzqaq -li'y - in kirtü] - lig - in
стадо слон-PL проводник-ADJ-INS
ilt - ü__bar-dī-lar
нести-PROG-3 PL PST

В приведенных примерах аналитическая форма *-a bar-* обнаруживает способность указывать на динамическое протекание действия. Вспомогательный глагол *bar-* 'идти, добираться' маркирует стремление действия к пределу. Ранее данная форма не отмечалась как аспектальная^[32: с.247].

Форма **-a jorī-**

(3) *amtī barča kiñürü jorījur* (Hüen 16, 12)

Теперь все они [постоянно] распространяются.

amtī barča kiñ - ür - ü_jorī - jur
теперь распространяться-CAUS-PROG-3 SG PRS

(4)... *tapīnu udunu jorīyalī jarliyča qīlu tegināli tip tidi* (Hüen 106, 3)

[Он] сказал: «Для того чтобы поклоняться и придерживаться [учения], [а также] осмелиться совершить [деяние] с позволения ...»

(tapīn - u udun - u)_jorī -yalī jarliyča
поклоняться-придерживаться-PROG-CVB позволение- EQT
qīl - u_tegin - gāli tip tidi
осмелиться-PROG-CVB QUOT

Аналитическую форму *-a jorī-* следует отнести к прогрессиву, поскольку она указывает на постепенность и длительность совершения действия. Вспомогательный глагол *jorī-* 'идти' маркирует продолжительность, длительность действия.

К дуративным формам в древнеуйгурском языке следует отнести следующие аналитические формы:

Вспомогательный глагол *tur-* 'стоять' маркирует длительность действия без указания предельности.

Форма **-a tur-**

(5) *ongtīn jīngaq tapīy uduy qīlu turdī* (Hüen V 15, 1-2)

он продолжал совершать поклонение по правую сторону(?)

ongtīn jīngaq [tapīy uduy] qīl - u__tur - dī
правая сторона поклонение совершать -DUR- 3SG PST

(6) *javlaqīn tarqaru imrārigme yalanguquy igidü ačīnu tutmīšqa ötrü irta tayšurup irlayurlar* (Hüen V 7, 18-20)

Для того, чтобы [продолжать] оказывать милость людям и рассеивать [совершенное ими] зло, напевают песни и декламируют стихи

javlaqin	tarqar-u	imrärigme	yalanguquy
зло-3 POSS - ACC	рассеивать- CVB	окужающий	живое существо - ACC
igid-ü ačın]-u__tut - mış-qa		ötrü irta	tağsur-up
Оказывать милость-DUR-PTCP-DATLOC	после		декламировать- CVB
irla-yur-lar			
стихи напевать - 3 PL PRS			

Форма **-p olur-**

Вспомогательный глагол *olur-* 'сидеть' также маркирует длительность действия без указания предельности.

(7) *öğdün simiğ tutup olurdılar* (Hüen 56, 3)

Они завладели границей на востоке.

öğdün sim - iğ tut - up_olur - di - lar
на востоке граница владеть-DUR-3PL PST

(8) *tavğaçnıñ kidin uçı öğdün simiğ tutup olurdılar* (Hüen V66, 2-4)

Они обосновались к востоку от западной границы государства табгачей

tavğaç - nıñ kidin uçı - i öğdün sim-iğ
табгач -GEN запад край-3POSS восток граница-ACC
tut - up_olur - di - lar
обосноваться-DUR-3 PL PST

Результаты исследования

В результате исследования языка древнеуйгурских памятников были выявлены пять форм, маркирующих линейный аспект и выражающих срединную стадию развития процесса, и образующихся аналитическим путем: -a bar-, -a joı-, -a tur-, -a tut- и -(i)p olur-, которые присоединяются к основе знаменательного глагола, и могут образовывать как финитные, так и нефинитные формы глагола (адъективные, адвербиальные).

Перечисленные формы, являясь морфологическим средством выражения аспектуальности, свидетельствуют о наличии данной «категории» в древнеуйгурском языке. Материал языка памятников не дает полной картины семантической зоны аспектуальности в древнеуйгурском языке. Наоборот, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм и ставит перед исследователями новые задачи по анализу грамем не только линейного, но и вторичного аспекта. Линейный аспект – прогрессив и дуратив – имеет свои морфологические средства выражения, построенные по модели CVB + AUX.

Срединную стадию процесса можно представить в виде таблицы:

Аспектуальные грамемы

ПЕРВИЧНЫЙ (ЛИНЕЙНЫЙ) АСПЕКТ

(= выражение фрагмента описываемой ситуации)

-a bar- ПРОГРЕССИВ

-a jorî-

-a tur- ДУРАТИВ

-a tut-

-(î)p olur-

Библиография

1. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
2. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994.
3. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
4. Колпачкова Е.Н. Классы глагола, сочетаемость и типология // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 137-149.
5. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015. 320 с. EDN: VQHRFD
6. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
7. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.
8. Храковский В.С. Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. EDN: UWGYBL
9. Klein W. Time in language. London; New York: Routledge, 1994.
10. Федотов М.Л. Перфект и окно наблюдения (два экз.) // А.А. Кибрик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева (ред.). ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плуногяна. М.: "Буки Веди", 2020. С. 467-475. EDN: UQMJFN
11. Плуногян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. EDN: PWOIIL
12. Бондарко А.В., Казаковская В.В. Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013.
13. Недялков В.П. Начинательность и средства её выражения в языках различных типов // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180-195.
14. Cheremisina M.I., Nevskaya I.A. I stood to lie down' and 'I sat to leave': Infinitive constructions of intention in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. 2000. Vol. 4, no. 2. P. 77-113. EDN: VMJGHT
15. Johanson L. Aspekt im Turkischen: Vorstudien zu einer Beschreibung des turkeiturkischen Aspektsystems. 1971. 344 с.
16. Кузнецов П.И. Аспект и акционал в турецком языке // Советская тюркология. 1975. Вып. 3. С. 68-81.
17. Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385-402.
18. Гузев В.Г. Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке // Избранное: к 80-летию / отв. ред. Н.Н. Телицин. СПб.: Студия "НП-Принт", 2019.
19. Аркадьев П.М. Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: "Пробел-2000", 2007. С. 17-30.
20. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989.

208 с.

21. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). М.: Наука, 1991.

22. Насилов Д.М. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. Филологические исследования. 1987. Вып. 13. С. 34-43.

23. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 274 с.

24. Насилов Д.М. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. Филологические исследования. 1987. Вып. 13. С. 34-43.

25. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Изд-во Наука, 1980.

26. Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington IN: Indiana University & The Hague: Mouton, 1968. P. 192-193. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 69).

27. Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 73-75.

28. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. 204 с.

29. Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 63-65.

30. Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig. Die Uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhasika-Schule. Berlin: Akademie-verlag, 1980.

31. Телицин Н.Н., Алиева К.А. Перфект в древнеуйгурском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африканистика. 2023. Вып. 2. С. 332-344. DOI: 10.21638/spbu13.2023.207 EDN: AMESLS

32. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. (Handbook of Oriental studies. Sect. 8: Central Asia).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Язык как система – явление весьма интересное и, порой, аргументировано объяснимое. Большая часть научных изысканий оценивает язык как систему быстро меняющуюся, но при этом зависящую от открытой / стандартной ситуации. Как отмечает автор статьи в начале работы, «в языках разных структур наблюдаются особые средства выражения внутренней временной структуры событий и действий». Внутренняя структура связана с аспектуальным значением, аспектуальные значения, чаще всего, «маркируются морфологически, реже лексически. Например, в индоевропейских языках для сигнализации аспектуальных свойств высказывания отмечается использование специальных грамматических маркеров, таких как: спряжение глаголов, адвербиальные формы и конвербы, а в китайском языке образование словоформ с аспектуальным значением происходит при помощи суффиксов, обладающих агглютинативными свойствами». Считаю, что предмет исследования данной работы достаточно интересен, нетривиален; методология соотносится с рядом современных лингвистических принципов, явных противоречий нет. Стиль соотносится с научным типом, суждения наукообразны: например, «аспектуальность рассматривается как функционально-

семантическое поле, где семантический центр определяется глагольным предикатом. Содержательная структура высказывания, включающая в себя все характеристики протекания действия во времени», или «семантическая зона аспектуальности в древнеуйгурском языке имеет зыбкие границы, поскольку обнаруженные формы в языке памятников могут передавать значения временной локализованности / аспектуальности / эвиденциальности. Четкое разделение между аспектуальными граммемами сложно очертить. Например, указанная выше финитная форма -mīš применительно к языку древнетюркских памятников рассматривается как прошедшее неочевидное или субъективное время, что обусловлено ее функционированием как средства передачи неочевидности, субъективности и внезапности совершения действия» и т.д. Считаю, что работа в целом ориентирована на раскрытие обозначенной темы, автору удастся концентрически свести имеющиеся данные в некий общий базис. Примеров, иллюстративного фона достаточно; несколько смущает в ряде мест цитация (она должна быть более точечной, объективной). И самое важное – работу стоит поправить в «языковом плане». Уже с заголовка «Аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средства их выражения древнеуйгурском языке» статья нуждается в правке и вычитке. В работе желательно устранить речевые ошибки, опечатки, вариации согласований / точнее несогласований: например, «различие с пониманием аспектуальных значений в индоевропейских и тюркских языках заключается в том, что аспектуальные и акциональные значения передаются только с помощью особых морфологических средств, а не лексических...», или «Такой подход к пониманию аспекта и аспектуальности позволяет расширять поле для исследования аспектуальных явлений на материале языков мира, относящихся к разным морфологическим типам...» и т.д. В ряде мест ощутима неполнота предложений, суждения «усечены», что допустимо в устном формате, но не является нормой в письменном. Например, «внутренняя структура событий и действий является объектом для аспектологии» и т.д. Материалы исследования вполне удобны для анализа, в статье дается оценка «примеров из письменных памятников древнеуйгурского языка (примерно X-XII в.). Основой для исследования послужил древнеуйгурский памятник, являющийся переведенным сочинением с китайского на древнеуйгурский, - «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана», или уйгурская версия биографии китайского монаха Сюань-цзана». Полученные данные объединяются в схематично-табличном виде, для лингвистических изысканий это весьма удобно. Автор приходит к выводу, что «в результате исследования языка древнеуйгурских памятников были выявлены пять форм...», «Указанные формы свидетельствуют о наличии аспектуальности в древнеуйгурском языке, а также о возникновении и последующем развитии морфологических средств для ее выражения. Материал памятников не дает полной картины о семантической зоне аспектуальности в древнеуйгурском языке, и, скорее, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм, которые встречаются в памятниках, и ставят новые задачи по анализу граммем не только линейного, но и вторичного аспекта». В целом материал интересен, концепция автора понятна; работу можно использовать практически. Но в данном виде ее рекомендовать к публикации все же не целесообразно. Статья «Аспектуальные значения прогрессива и дуратива и средства их выражения древнеуйгурском языке» нуждается в доработке, вычитке, правке. Только после данных процедур ее можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают аспектуальные значения прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке. Актуальность работы не вызывает сомнения: в последнее время значительно возрос научный интерес к изучению древнетюркских языков, культур и истории тюркских народов и, как следствие, возникла необходимость комплексного изучения аспектуальности, которая присуща всем языкам, однако удельный вес категории вида в разных языках различен. Эмпирическим материалом послужили примеры из письменного памятника древнеуйгурского языка (ориентировочно X-XII в.), который представляет собой переведенное с китайского на древнеуйгурский сочинение «Биография Сюань-цзана», традиционно именуемое в тюркологических исследованиях как уйгурская версия.

Теоретической базой данного научного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по функциональной грамматике, аспектологии, итеративности, проблемам тюркской аспектуальности и др. Библиография статьи составляет 32 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный метод, контекстологический и компонентный анализ языковых единиц, функционально-семантический метод и др.

В ходе работы проведен анализ теоретического материала и сделано его практическое обоснование, особое внимание уделялось аспектуальным граммемам прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке, что подразумевало также выявление средств их выражения («выявлены пять форм, маркирующих линейный аспект и выражающих серединную стадию развития процесса, и образующихся аналитическим путем»; «линейный аспект – прогрессив и дуратив – имеет свои морфологические средства выражения, построенные по модели CVB + AUX»). Отмечено, что «материал языка памятников не дает полной картины семантической зоны аспектуальности в древнеуйгурском языке», «наоборот, порождает новые вопросы о возможности полисемии аспектуальных форм и ставит перед исследователями новые задачи по анализу граммем не только линейного, но и вторичного аспекта». Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в изучение аспектуальных значений прогрессива и дуратива в древнеуйгурском языке. Полученные результаты могут представлять интерес для общей и сопоставительной аспектологии, а также служить базой для дальнейших теоретических исследований в этой области. Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов в курсах по функциональной грамматике, сравнительной аспектологии языков, грамматике тюркских языков и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской,

представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. В целом, статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».